

После того как в этой жизни между ними установилось полное взаимопонимание, Сун Циньби никоим образом не желал возвращаться к тем холодным отношениям, что были в прошлой жизни. Особенно стоило ему лишь вспомнить тот финал, который уготовал прошлой жизни Ци Жуньюню, как в сердце не оставалось места ни для какой обиды.

Вздыхнув, Сун Циньби скрыл факт своего перерождения и сказал:

— Я... на самом деле, в день перед нашей свадьбой я узнал кое-что. Моя младшая сестра, вероятно, не была искренней со мной.

В действительности, ещё до возвращения в эту жизнь, в те дни нищеты и отчаяния он каждый день помышлял о ненависти за разрушенный дом и о мести за погибшую жену и не родившегося ребенка. Вся прежняя любовь и ненависть стерлись в пыль. В ту ночь, когда он очнулся после перерождения, сердце его было переполнено чувством вины перед семьей и перед Ци Жуньюнем, своим законным мужем, а также гневом и презрением к тем двум врагам. Он жаждал понять, почему в прошлой жизни против него была устроена такая ловушка, и заставить их пережить всё то, через что прошел он сам.

Видимо, слова Сун Циньби удивили Ци Жуньюня, и он наконец поднял на него глаза. Сун Циньби горько усмехнулся:

— Я и не собирался говорить об этом, дело не из приятных, но я не хочу, чтобы ты меня неправильно понял. После свадебной ночи я и вправду хотел забыть о чувствах к младшей сестре и жить с тобой в мире, но в сердце оставалась обида. Я так хорошо к ней относился, а она предала меня. Да и то, что я узнал, выходит далеко за рамки обычного предательства. Я не хотел рассказывать тебе, чтобы ты не смеялся надо мной за то, что я был таким глупцом, позволившим играть собой, даже не замечая этого.

Не дожидаясь реакции Ци Жуньюня, Сун Циньби повернулся к окну кареты и продолжил:

— В тот день мне пришло письмо из академии. Кто-то сообщил, что в сердце младшей сестры другой, и что у неё на меня свои виды. Естественно, вместе с письмом были и доказательства. Узнав об этом, я, конечно, не мог смириться. Она так меня обманывала, почему бы мне не использовать её в свою очередь? Я хотел посмотреть, что будет, если я сыграю на их операцию и отомщу.

Лицо Сун Циньби исказилось, обнажая ту ярость и ту боль, что он испытал в прошлой жизни после разрушения семьи.

Ци Жуньюнь спокойно слушал, но увидев, как исказилось лицо Сун Циньби, нахмурился. Когда же тот замолчал, Ци Жуньюнь заговорил:

— Какие доказательства дали тебе такую уверенность — я спрашивать не стану. Но ты позволяешь гневу затмить рассудок. Ты решил отомстить за то, что еще не случилось, меняя собственный характер. Ты утверждаешь, что в сердце твоём нет больше любви к ней, но при этом планируешь использовать её для мести. До какой степени ты собираешься притворяться перед ней?

Смену настроения на лице Сун Циньби Ци Жуньюнь заметил, и она его озадачила, но он понимал, что решение того уже неизменно. За это время они узнали друг друга получше, и он не думал, что лишь это могло так изменить Сун Циньби. Однако, раз решение того не изменить, Ци Жуньюнь счел необходимым сказать кое-что в пояснение.

Сун Цинъи опешил от слов Ци Жунъюня. В прошлой жизни тот был тихим, не спорил ни за что и умер в неизвестности — образ этот врезался в память слишком глубоко. Но нынешний Ци Жунъюнь, который отстаивал свою позицию и спрашивал, насколько далеко тот готов зайти в своей «жертве», изумил его. Впрочем, о своей позиции он не забыл:

— Ничего не делать, я обещаю. Максимум я буду держать её на крючке старой дружбой до конца борьбы за место мастера.

Поскольку новостей о данях еще не ходило, Сун Цинъи не мог привести это в качестве оправдания, но в прошлой жизни именно борьба за место мастера положила начало всему. Раз уж он соврал, что кто-то раскрыл ему тайный заговор, то мог использовать и этот факт.

Ци Жунъюнь был не глуп, и одного упоминания о борьбе за место мастера хватило, чтобы понять смысл слов Сун Цинъи о кознях младшей сестры. Сначала он подумал, что та метит на богатство дома Сун, но раз упоминаются мастера, значит, за спиной у младшей сестры, вероятнее всего, стоят конкуренты семьи Сун. Ци Жунъюнь кивнул, но всё же добавил:

— В таком случае, прости, но в ближайшее время я буду нездоров и удалюсь в боковой двор.

Это означало, что до разрешения дел он не намерен впускать Сун Цинъи к себе. По натуре он был человеком серьезным и упрямым: раз уж он определял для себя что-то, изменить это было трудно. Если бы Сун Цинъи по-прежнему любил младшую сестру, то, даже став его законным мужем, он не стал бы бороться за то, что ему не принадлежало. Но теперь, когда Сун Цинъи посеял в его сердце надежду на их совместную жизнь, некоторые границы следовало провести четко.

Сун Цинъи, похоже, не ожидал такой реакции от Ци Жунъюня и на этот раз действительно застыл.

Действия Ци Жунъюня были быстрыми и решительными. Вернувшись в резиденцию Сун, он приказал слугам приготовить к проживанию боковой двор во внутренней части усадьбы, который обычно использовали для летнего отдыха. Он находился недалеко, но имел отдельный вход, и закрытые ворота создавали здесь свой отдельный мирик.

Хотя слуги и почитали Сун Цинъи, и если бы он приказал, служанки не посмели бы продолжать, но, встретившись взглядом с Ци Жунъюнем, Сун Цинъи на мгновение замер, а затем кивнул подошедшему с докладом слуге. Он понимал намек Ци Жунъюня: его отношение было напоминанием о том, что некоторые границы, раз перейдя, уже не вернешь назад.

Хотя для Сун Цинъи взятие наложницы не было чем-то неприемлемым — даже если бы он действительно взял ту женщину для отвода глаз, то, отложив подписание документов на некоторое время, это можно было бы и не считать свершившимся фактом. Используя её по назначению и не оформив документы, он оставлял Ло Синцзюань без права подать на него жалобу. Для женщины поступок этот был подлым и беспощадным. Сун Цинъи, хотя раньше и презирал такое, ради мести был готов пойти и на это. Но он понимал, что Ци Жунъюнь этого не потерпит, и сам не мог сказать, почему ему так не хотелось видеть расстройство на лице этого человека.

Прежде чем отпустить Ци Жунъюня в боковой двор, Сун Цинъи всё же не удержался и потянулся к нему рукой:

— Возьми с собой ещё одного слугу. Пусть Лин Бао будет при тебе, а другой сможет бегать за поручениями. Мне всё равно часто приходится бывать на печах, так что ты сможешь

ассохрану меня.

Сун Цинъи, глядя на спокойный взгляд Ци Жуньюня, запнулся, но после паузы продолжил:

— Если пойдёшь сам, не забудь взять двух охранников.

С тех пор как он заметил, что Ци Жуньюнь с надеждой относится к делу с люли, он намеревался позволить ему продолжить этим заниматься. Если он не хотел запереть его в задних покоях, то работа, которая тому нравилась, была необходима.

Ци Жуньюнь кивнул, высвободил руку и, повернувшись, ушел. Но, вероятно, выражение лица Сун Цинъи было слишком печальным, и он всё же задержался у двери:

— Раз уж ты говоришь, что у неё на тебя свои планы, тебе следует быть осторожнее.

Забота в словах Ци Жуньюня заставила глаза Сун Цинъи сверкнуть. Пальцы его шевельнулись, он хотел удержать его, но увидел, что его законный муж уже уходит, не оглядываясь.

Тем временем слуга из внешнего двора, ожидавший во дворе, увидев, что молодой господин выходит, не решился подойти, но Лю Гуан подождал немного и заговорил:

— Я говорю, господин, молодой господин уже ушел, так что пойдите скорее и разберитесь с той особой.

Лю Гуан пришел к Сун Цинъи, когда тому было всего пять или шесть лет. Сначала он был ученическим слугой в кабинете, а позже стал личным слугой. Поскольку он провел много времени рядом с Сун Цинъи, иногда позволял себе некоторую фамильярность. Сун Цинъи привык к этому и не слишком строго его наказывал, что лишь раззадоривало его смелость. На этот раз он тоже сопровождал Сун Цинъи на печи и был, помимо Лин Бао, тем слугой, что больше всего общался с Ци Жуньюнем. Ему нравился этот молчаливый, но удобный в обращении хозяин. Поэтому он не испытывал ни малейшей симпатии к той «младшей сестре», с которой Сун Цинъи собирался встретиться у ворот. Хотя раньше, когда Сун Цинъи учился, он тоже сопровождал его, но к той, кого господин так баловал и опекал, он теплых чувств не питал. Раньше, когда Сун Цинъи был полностью поглощен ею, как слуга он не мог ничего сказать. Но теперь, когда Сун Цинъи женился на мужчине-жене и, похоже, был доволен этим, Лю Гуан считал своим долгом не дать господину снова свернуть с пути истинного.

Только что Лю Гуан не заходил во внутренние покои и вместе со слугой, пришедшим звать хозяина, ждал во дворе. Поэтому, увидев, как молодой господин выходит и уводит людей, он окликнул своего господина у входа, и в голосе его явственно слышалось недовольство.

— Ты что мелешь, с какой это стати так разговариваешь?

Когда Сун Цинъи вышел вновь, выражение его лица уже было спокойным. Он шлепнул Лю Гуана по лбу и с улыбкой пожурил его.

<http://bllate.org/book/16594/1516560>